

УДК 792.8; 929

А. А. Шестаков

В. С. КОСТРОВИЦКАЯ:
ИЗВЕСТНОЕ ИМЯ — НЕИЗВЕСТНАЯ СУДЬБА

Имя Веры Сергеевны Костровицкой (1906–1979) знакомо каждому, кто связан с отечественным хореографическим искусством: ученица и сподвижница А. Я. Вагановой; педагог, создавший одну из основополагающих работ по методике преподавания классического танца; неординарная творческая личность, которую ценили выдающиеся деятели культуры того времени.

Однако, несмотря на заслуженную профессиональную известность Костровицкой, лишь немногие знали Веру Сергеевну как личность. Она обладала замкнутым характером, нелегко сходилась с людьми, поэтому нетеатральные подробности ее судьбы известны немногим. К счастью, сохранились ее архивы в Центральном Государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга и в Российской Национальной библиотеке, в том числе — неизданные дневники и воспоминания, позволяющие узнать больше о личности и судьбе Костровицкой. Большая часть этих воспоминаний посвящена ее школьным годам, началу творческого пути, а также Ленинградской блокаде, в течение которой Костровицкая вела дневниковые записи¹. Все эти документы ждут своего исследователя — лишь незначительный фрагмент из мемуаров «Вместо предисловия» [1] был опубликован в журнале «Нева» под названием «Страницы воспоминаний»².

Непростая судьба В. С. Костровицкой неразрывно связана как с историей страны, так и с историей нашей Школы. Читая записи военного времени, понимаешь, почему она так неохотно рассказывала о себе — это и сдержанность, характерная для переживших Блокаду, и личная скромность Веры Сергеевны. В своих «Воспоминаниях о блокаде» она признается: «Меньше всего мне хотелось писать о себе, — это не вышло, потому что трудно отделить себя от общего бытия. Оправдываюсь тем, что пережитое мною пережили сотни и тысячи блокадных ленинградцев, я только маленькая единица среди них» [2, л. 46]. И все же, читая эти записи, мы можем лучше понять личность человека, так много сделавшего для балетного искусства. Человека, чье имя известно многим, а судьба почти никому.

110-летний юбилей В. С. Костровицкой — хороший повод для того, чтобы восполнить этот пробел для всех, кому небезразлична история русского балета.

* * *

Вера Костровицкая родилась 3 января 1906 г. в Петербурге в дворянской семье, состоявшей в прямом родстве с выдающимся французским поэтом начала XX в.

¹ В настоящее время блокадный дневник В. С. Костровицкой готовится к публикации.

² Костровицкая В. С. Страницы воспоминаний // Нева. 1973. № 9, с. 206–211.

В. С. Костровицкая в классе.
Фото из архива АРБ имени Вагановой (МКИОХО).

Гийомом Аполлинером³. В семье любили театр, особенно балет. Вера Сергеевна, от природы очень музыкальная, вспоминает: «Моя бабушка была прекрасной пианисткой, много музицировала дома и вся моя детская жизнь проходила на фоне произведений Шопена, Листа, сонат Бетховена, Шумана. Я и засыпала у себя в детской обычно под бабушкину игру в соседней комнате» [1, л. 4]. Неудивительно, что в 1916 г. Вера Костровицкая поступила в Петроградское театральное училище. Здесь ее учителями стали известные русские педагоги: О. О. Преображенская, М. Ф. Романова, А. Я. Ваганова. По окончании училища (1923) юная выпускница была принята в балетную труппу Государственного Академического театра оперы и балета (Мариинского).

1920-е гг. были временем высокой активности творческой молодежи. Несмотря на огромные послереволюционные потери в исполнительском и педагогическом составах, молодые артисты балета, как и другие представители творческих профессий этого периода, творили с энтузиазмом, отважно бросаясь в рискованные порой поиски и эксперименты.

Вот как вспоминает Костровицкая об этом периоде своей творческой деятельности: «Когда я была принята в быв. Мариинский театр (сезон 1923–1924-го года), балетные спектакли все еще давались два раза в неделю. В операх балетные артисты были заняты мало, репетиции молодой балетмейстер Ф. В. Лопухов проводил так умело, что в полтора-два часа отшлифовывал целый спектакль, — оставалось много свободного времени.

В предыдущий сезон Баланчивадзе начал организацию группы Молодого балета⁴, и мой выпуск почти полностью вошел в состав группы. Это были: О. Мунгалова, Н. Млодзинская, Н. Стуколкина, Т. Мазикова, В. Фабер, Н. Базарова и я. Из предыдущих выпусков: А. Данилова, Л. Иванова, П. Гусев, М. Михайлов < ... > Л. Балашев, Т. Жевержеева (хорошая классическая эстрадная танцовщица, включившаяся в Молодой балет).

Организовывали группу: Баланчин, Гусев и молодой театральный художник В. В. Дмитриев. Костюмы для новых постановок по эскизам художника Б. М. Эрбштейна мы шили и раскрашивали сами» [1, л. 1].

С ассоциацией «Молодой балет», в деятельности которой Костровицкая приняла активное участие, связаны множество имен выдающихся деятелей отечественной культуры: В. И. Вайнонена, А. Н. Ермолаева, Л. М. Лавровского, А. В. Лопухова, М. Х. Франгопуло, а также Т. Г. Бруни, Г. Н. Коршикова, Ю. И. Слонимского и др. К сожалению, существование этого творческого объединения прекратилось уже в 1924 г., с отъездом за границу его неформального лидера — Г. Баланчивадзе.

Интересы Костровицкой не ограничивались исключительно балетом — круг ее интересов и творческого общения был широк: композитор Д. Д. Шостакович,

³ Гийом Аполлинер (фр. Guillaume Apollinaire; настоящее имя — польск. Wilhelm Albert Vladimir Apollinaris de Wąż-Kostrowicki — Вильгельм Альберт Владимир Александр Аполлиний Вонж-Костровицкий).

⁴ От редакции. Полное название: Петроградский академический «Молодой балет» (см.: Соколов-Каминский А. А. Петроградский академический «Молодой балет» // Русский балет. Энциклопедия. М.: БСЭ; Согласие, 1997. С. 358-359).

художники С. М. Гершов и Т. Н. Глебова, пианистка М. В. Юдина и др. С особым уважением относилась она к музыковеду и театральному критику И. И. Соллертинскому (о чем она подробно рассказывает в своих записях «Вместо предисловия»). Соллертинский читал в хореографическом училище лекции по истории искусства и литературы, был очень любим старшекласниками (среди которых была и Костровицкая) и часто приглашал в Филармонию на концерты, перед которыми он выступал со вступительным словом.

К сожалению, танцевальная карьера В. С. Костровицкой завершилась преждевременно. Проработав в театре четырнадцать лет, она была вынуждена из-за болезни уйти со сцены и в 1936 г. заняться исключительно преподавательской работой. Окончив педагогическое отделение по классу А. Я. Вагановой (1939), вплоть до 1971 г. Вера Сергеевна преподавала классический танец в Ленинградском хореографическом училище. С 1947 по 1951 гг. — была ассистентом А. Я. Вагановой на отделении педагогов хореографии при Ленинградской государственной Консерватории (располагавшемся в помещении училища). Во время частых отсутствий Вагановой замещала ее на уроках балерин, репетициях. После смерти Вагановой в 1951 г. Костровицкая возглавила в Школе методическую работу. Помимо уроков, она вела семинары, читала лекции по методике классического танца на педагогических курсах Консерватории.

* * *

С огромным пиететом относилась В. С. Костровицкая к своему педагогу А. Я. Вагановой: «придя в ее класс за два года до выпуска, я с первых дней поняла, что все, чему меня учили на протяжении пяти лет, — только поверхностная подготовка к **настоящему** (выделено в тексте. — А. Ш.), начавшемуся сейчас, на этих уроках.

Все было ново: постановка рук, постановка и сложная выразительная работа корпуса, сочетания движений; железная логика новых, непривычных тогда еще замечаний, протягивающая ясную, зримую нить от частного к целому, от экзерсиса у палки до заключительного port de bras в конце урока, делающая осмысленными и целеустремленными даже самые простые упражнения.

Позднее, много лет проучившись в классе Вагановой в труппе Кировского театра, я всегда поражалась неожиданной красотой и остроумием ее сложных комбинаций, никогда не задаваемых ради блеска самой комбинации, но всегда имеющих глубоко обоснованный смысл и цель в общем построении урока.

Идет время, меняется жизнь, в хореографии возникают новые имена талантливых советских балетмейстеров, танцовщиц, педагогов, и все же одно имя среди всех этих имен — имя Вагановой, остается и останется внушающим к себе величайшее уважение и любовь тех, кто посвятил свою жизнь русскому и советскому балету» [2, л. 2].

Нельзя не отметить, что и Ваганова ценила педагогический талант своей ученицы: «Острый ум и меткий глаз у Веры Костровицкой... С ней надо быть начеку: подметит малейшее противоречие, любой зазор в системе доказательств» [3, с. 26].

* * *

В годы Великой Отечественной войны Костровицкая по семейным обстоятельствам не смогла эвакуироваться и провела всю Блокаду в Ленинграде. Она продолжала преподавать в ЛХУ; вместе с другими работниками и оставшимися в городе учениками дежурила на крыше здания школы во время бомбардировок; подготовила около 250 концертов для защитников города, во многих выступала сама; многократно выезжала с концертными бригадами на фронт (где изголодавшихся артистов старались подкормить, и, быть может, именно благодаря этому, она смогла выжить). Позднее Костровицкая вспоминала: «В начале сентября (1941 года — А. Ш.) с группой оставшихся учеников и студентов я начала репетиции. Из Управления по делам искусств ежедневно поступали заявки на небольшие концерты. Надо было обслужить на вокзалах уходящие на фронт воинские части, госпитали с ранеными, которых становилось все больше и больше.

Концерты проходили под баян и состояли из двух-трех номеров, умещающихся на любой площадке. Молдованеска (так! — А. Ш.), лезгинка, чардаш, простенький гопак составляли весь наш репертуар. В условиях начинающегося голодного истощения и холода ничего другого и нельзя было придумать.

Свыше двухсот пятидесяти концертов за сентябрь и половину октября дала эта маленькая группа.

Кто помнит об этом!..

Эта же группа детей наравне со взрослыми по много часов дежурила на чердаке, а вечером дети уходили из школы на мороз в темные безлюдные улицы. И все-таки, они продолжали приходить — им хотелось быть полезными» [1, л. 44].

Дневник Костровицкой, который она вела с 1941 по 1943 гг., — интереснейший документ, сохранивший свидетельства о блокадном периоде жизни, как училища, так и всего города. На его страницах раскрывается неординарная личность Веры Сергеевны, ее мужество и самообладание, позволившие сохранить человеческое достоинство, несмотря на все испытания, которые ей суждено было пережить [4].

Один из примеров благородного самопожертвования сохранил для нас дневник Костровицкой, где она описывает события мая 1942 г.: «В Инженерном замке, в той части, которая не разрушена снарядами, открыли донорский пункт. Висит объявление, где сказано, что от населения принимаются все группы крови и оплата производится продуктами. Пошла тайком от мамы. В приемной много народа, все женщины-дистрофики. Санитарки говорят, что сдавать кровь очень полезно, она потом быстро восстанавливается. У меня взяли кровь на анализ, оказалась нулевая группа, пригодная для всех, поэтому провели без очереди в маленькую комнату к врачу. Сказали, что возьмут только 400 грамм. Положили на стол в одежде и очень долго брали из вены кровь. До этого все говорили, что берут гораздо больше, чем говорят, так как на фронте надо много крови для раненых. Потом санитарка отвела меня под руку в столовую. Дали стакан питья из сосновой хвои, пшенный суп и настоящую маленькую котлетку. После еды выдали талон в закрытый распределитель, по которому получила 400 грамм сливоч-

ного масла, 500 грамм сахарного песку и полкилограмма мяса. До дому дошла благополучно. Маме сказала, что встретила знакомого военного, и он подарил мне продукты. Второй раз сдавать кровь не пошла, побоялась снова слечь. — Силенок не было» [4, л. 41–42].

Далее следует приписка: «Эту запись я делаю сейчас, только в 1969 году, так как уже нет ТОЙ, которая испугалась бы и ужаснулась даже через 28 лет тому, что я сделала. Я дала себе клятву никогда не рассказывать ей» [4, л. 42].

Среди малоизвестных фактов из жизни В. С. Костровицкой — и то, что она «после войны работала штукатуром по восстановлению Ленинграда, имела 4-й разряд штукатура (сохранилось удостоверение). Получила правительственные награды: медаль “За оборону Ленинграда” (награду получила 22.12.1943 г. в первой группе награжденных), орден “За доблестный труд в Великой Отечественной Войне 1941–1945 гг.” и другие» [5]. Примечательно, что о наградах Костровицкая в своих записях не упоминает, но о работе штукатуром рассказывает довольно подробно: «Летом 1943 года на училище прислали наряд на ремонт разрушенного каменного дома. Хороший признак. — Раз восстанавливают город, значит, есть полная уверенность в том, что больше его не будут разрушать! < ... > Мы увидели двухэтажный флигель, в котором от жилого дома остались одни голые стены и потолки. Внутри на полу стояли наспех сколоченные станки, банки с известью, песком и цементом и лежали связки свежей дранки. Нам надлежало прибить ее на потолки и стены, затем все оштукатурить и заклеить бумагой под будущие обои.

Особым умением и сноровкой мы не отличались, хотя у меня в книжечке стояло: штукатур-маляр 4-го разряда. Первое время почти вся штукатурка летела на нас обратно, образуя на голове и плечах застывшую коросту. К середине рабочего дня она полностью покрывала наши штаны и куртки.

Состав замешивали в цинковых корытах, торопились поскорее набросать его на поверхность, но он предательски застывал раньше, чем прилипал к наколоченной дранке. Хуже всего обстояло дело с потолками, чаще всего (по жребия) эта работа доставалась мне. Очень скоро начинала кружиться голова, мутило, разбаливались руки, плечи. Трудно было забираться на неустойчивые станки. В то лето я ходила вместо обуви на фанерных дощечках от посылочных ящиков (распухшие ноги не влезали в обувь. — А. III.), привязывая их веревками поверх чулок к ногам. Отчаянно стучала этой “обувкой” по мостовым и тротуарам, и мои ноги, на которых упорно не проходила цинга, напоминали исполинские гусиные лапы» [2, л. 45].

По воспоминаниям Костровицкой, работу периодически контролировала и. о. директора училища Л. С. Тагер: «красивая, здоровая, в дорогом нарядном платье — проверяет, хорошо ли работаем. < ... > К вечеру, стуча по улицам своими фанерными досками-обувью, добираюсь домой. По возможности, отмываюсь (водопровод давно действует) и хочу, чтобы завтрашний день не настал. Но он настает» [4, л. 58].

Любопытно сопоставить описание этих событий в дневнике Костровицкой и в книге официального биографа Блокады П. Н. Лукницкого «Ленинград действует» (отрывки из которой Вера Сергеевна цитирует в собственных записях). Вот,

что пишет Лукницкий: «Когда стайка тоненьких веселых женщин, модно причесанных и изящно одетых в легкие платья, взобралась на помост, к ним строго обратился сутуловатый человек в измазанном ватнике (бригадир штукатуров): “Вы кто?” — “Мы — балерины”. < ... > Истонченная блокадой В. С. Костровицкая и Ирочка Сокольская стали вести шуточные разговоры о балете с каменщиком-штукатуром. (Мол, в балете работают ноги, а здесь полезно и руками поработать). < ... > В первый день августа балерины явились в перчатках, в синих, охватывающих волосы сеточках, в платьях с короткими рукавами, в брезентовых туфельках» [6, с. 631]. Эти строки Костровицкая цитирует в своем «Дневнике» и прибавляет: «Как не стыдно Лукницкому!!!» [4, л. 62].

О том, как был оценен нелегкий труд, Костровицкая рассказывает не без доли иронии, но с искренней гордостью: «Целое лето мы провозились с этим маленьким флигелем, но, в конце концов, приобретя значительный опыт, с честью закончили ремонт. Я была очень горда (горжусь и сейчас), когда в результате наших трудов (и не только наших, ибо трудился весь город), в газете появилась заметка: “Знатные восстановители города Ленинграда”. На первом месте красовалась фамилия педагога хореографического училища Костровицкой, а на щите, повешенном на Невском у Дворца пионеров, появилась неизвестно откуда взятая моя довоенная фотография» [2, л. 46].

Читая блокадные записи В. С. Костровицкой, убеждаешься: несмотря на все тяготы Блокады, она нашла в себе силы сохранить нравственные и моральные качества, вопреки всем лишениям остаться верной себе, а после войны и дальше работать и творить на благо русского балета.

* * *

Неоценимое значение для балетной педагогики имеют методические исследования Костровицкой, результаты которых стали материалом для ее книг.

Первая из них — «Классический танец. Слитные движения» (1961). По словам Веры Сергеевны, работой над этой теоретической книгой она занялась в 1948 г. по совету А. Я. Вагановой (которая сама отредактировала «Классический танец...»). Принципиальная важность появления такого пособия и высокая оценка труда ученицы отмечены Вагановой в предисловии: «Предлагаемая В. С. Костровицкой методическая разработка слитных движений *temps lié* является одним из первых трудов в этой области и имеет большое значение при изучении классического танца» [7, с. 13].

Выдающийся представитель русского балета К. М. Сергеев также дал положительный отзыв на книгу: «Работа педагога Ленинградского Государственного Хореографического училища В. С. Костровицкой, созданная < ... > на основе школы профессора А. Я. Вагановой, является ценным трудом, и его опубликование принесет очень большую пользу педагогам хореографии» [8, л. 3].

А вот отзыв методического кабинета: «Методический кабинет Ленинградского Хореографического училища считает работу < ... > В. С. Костровицкой ценным вкладом в области хореографии. < ... > Работа В. С. Костровицкой была обсуждена

на методическом совещании педагогов классического танца < ... > и принята как ценное пособие» [9, л. 2]. Эти отзывы были написаны в 1952 г., а публикация книги состоялась лишь в 1961-м.

Фундаментальный труд В. С. Костровицкой «100 уроков классического танца» (1972) сегодня является одним из основополагающих методических пособий для педагогов балета. Ученица и последовательница Вагановой, утверждавшей: «методика не мертвая догма, не останавливайтесь на достигнутом. Обдумывайте, проверяйте на практике, ищите **свои, новые** (выделено в тексте — А. Ш.) методические приемы» [2, л. 2–3], она дала в своей книге методологию построения урока, оставаясь верной вагановской системе исполнения движений.

Главной задачей созданного совместно с А. А. Писаревым труда «Школа классического танца» (1968) стало, в соответствии с пожеланиями А. Я. Вагановой, создание «расширенного и более подробного < ... > учебника, фиксирующего в развитии технику исполнения и методику преподавания классического танца» [10, с. 5].

* * *

Вера Сергеевна Костровицкая была не только выдающимся теоретиком, но и замечательным практиком балетной педагогики. Ей довелось сделать лишь два выпуска, но в числе ее учениц такие выдающиеся мастера, как Народная артистка СССР Г. Т. Комлева, Заслуженный деятель искусств Российской Федерации М. А. Васильева, Народная артистка Литовской ССР Л. Ашкеловичюте⁵. Сегодня ученицы Костровицкой, сами признанные педагоги, передают ее наследие следующим поколениям танцовщиц. По словам декана исполнительского факультета Академии, некогда ученицы Веры Сергеевны, М. А. Васильевой, «она учила балетной грамоте, приемам! Это не комбинации! < ... > То, что сегодня исчезает!»⁶.

Заканчивая свои «Воспоминания о блокаде» Костровицкая пишет: «У сердца тоже есть своя память, и оно бережно хранит образы людей, разных по профессии и положению, но одинаково бескорыстных и глубоко человеческих» [2, л. 52]. К таким людям, безусловно, мы относим и саму Веру Сергеевну — в нашей памяти она навсегда останется выдающимся профессионалом, достойным представителем русской культуры, благородным и самоотверженным человеком.

В архивах В. С. Костровицкой можно найти множество сведений, безусловно, ценных как для истории нашего балета, так и для понимания ленинградского быта довоенной, военной и послевоенной эпохи. Публикация ее «Дневника» может стать важным событием для всех, кто близок к русскому балету, и (что не менее важно) позволит ввести в научный обиход этот исторический документ.

⁵ Также к ученицам В. С. Костровицкой себя справедливо причисляет Д. Пясецка — примпольского балета 1970–1980-х гг., ныне преподаватель классического танца в Музыкальном университете им. Ф. Шопена (Варшава). См.: Д. Пясецка. С благодарностью к моим ленинградским учителям // Вестник Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой. 2015. № 6 (41). С. 74–78.

⁶ Из беседы автора с Заслуженным деятелем искусств РФ М. А. Васильевой (запись 25.04.2015).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Костровицкая В. С.* Вместо предисловия // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-157. Оп. 1. Ед. хр. 19. 15 л.
2. *Костровицкая В. С.* Воспоминания о блокаде // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-157. Оп. 1. Ед. хр. 27. 47 л.
3. *Красовская В. С.* Две жизни Вагановой. Балетная повесть // Нева. 1985. № 10. С. 26–76.
4. *Костровицкая В. С.* Ленинград — блокада. 1941–1942–1943. Дневник // ЦГАЛИ СПб. Фонд Р-157. Опись 1. Ед. хр. 28. 63 л.
5. *Федотова Т.* О Вере Сергеевне Костровицкой — петербургской балерине, педагоге, авторе книг по классическому танцу // Бюллетень Музея Марка Шагала. Вып. 19–20. Витебск: Витебская обл. типография, 2011. С. 44–45. URL: <http://chagal-vitebsk.com/node/298> (дата обращения: 15.04.2015).
6. *Лукницкий П. Н.* Ленинград действует. М.: Советский писатель, 1964. Т. 3. 1441 с.
7. *Костровицкая В. С.* Классический танец. Слитные движения. СПб.: Планета музыки, 2009 г. 56 с.
8. *Сергеев К. М.* Отзыв. 4 апр.1952 // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-157. Оп. 1. Ед. хр. 83.
9. *Франгопуло М. Х.* Отзыв Методического кабинета ЛХУ. 3 апр.1952 // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-157. Оп. 1. Ед. хр. 83.
10. *Костровицкая В., Писарев А.* Школа классического танца. Л.: Искусство, 1968. 262 с.